

К Р О К О Д И Л

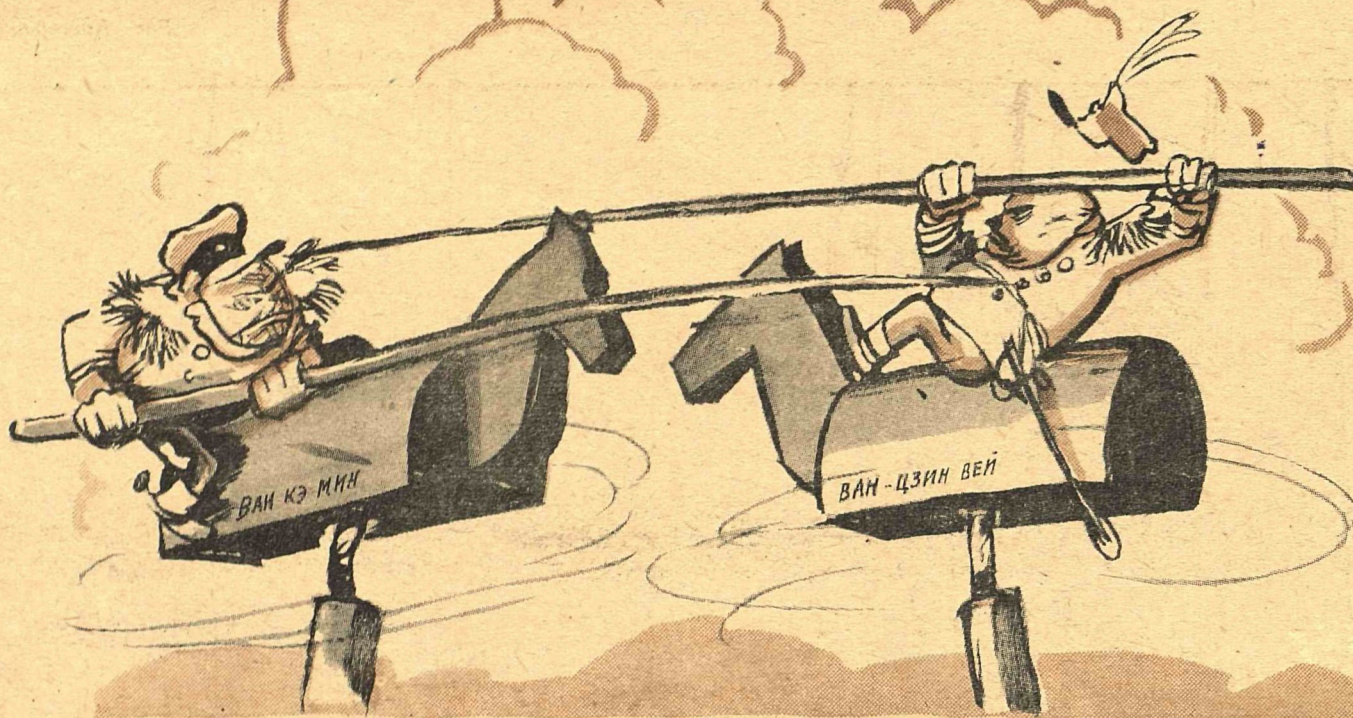

Рис. Л. Сойфергиса

ПО-ХОЗЯЙСКИ

— Чудесный гарнитур для моего служебного кабинета, я его возьму. А табуретка дороговата, обойдемся дома как-нибудь без нее.

Рис. Б. Клинка

Кто кого свалит?

Гасаны из Стамбула

КЛУЧШИМ произведениям Омара Сейфеддина — классика турецкой литературы — принадлежит рассказ «Визирь и дурак».

Действие происходит в старой, османской Турции. Престарелый падишах чувствует себя плохо. В стране хаос и беспорядок. Янычары — отборные султанские войска — перевернули свои котлы: сигнал к мятежу.

Не было человека, который мог бы найти выход из этого ужасного положения. Оставалась одна надежда, и этой надеждой был Кесэ-визирь. Падишах призвал его к себе, чтобы передать ему государственную печать.

Но старый мудрый Кесэ хочет умереть спокойно. Он давно отошел от государственных дел и не имеет желания омрачить политикой свои последние дни. Долго убеждал его падишах, но старец был упрям.

Повелитель велел заточить его в темницу. Сидит Кесэ в темнице и чувствует себя прекрасно. Падишах в недоумении: чем бы прогнать этого упрямого старика? Падишах решает:

— Разыскать какого-нибудь дурака и запелить его вместе с визирем!

Полиция отыскала человека по имени Гасан — это был совершенно невежественный, тупой и глупый турок. Гасана бросили в темницу, где сидел Кесэ-визирь.

Но и эта жестокая мера не повлияла на старца. Проходит неделя, другая, третья. Мудрец и дурак сидят вместе, друг другу не мешая.

Но вот Гасан обжился и однажды утром начал шутить. При первой же остроте дурака старый визирь вздрогнул, поднялся с места и, постучав в дверь, сказал стражу:

— Чаша терпения переполнилась. Передай нашему господину, что я принимаю государственную печать...

Давно это было. Будь это в наши дни, не пришлось бы рыскать по пастбищам Карамурселя в поисках Гасана. Чтобы вывести из себя стойкого Кесэ, достаточно было бы дать ему в темницу несколько экземпляров юмори-

стических журналов, ныне издающихся в Стамбуле.

Страшно было бы умному старцу оставаться наедине с этими журнальчиками. Глянув на карикатуры, печатающиеся в «Каратегезе», «Акбаба», «Кероглу», старец крикнул бы стражу:

— Больше не могу! Прошу прекратить эту пытку: я на все согласен!

Нынешние стамбульские Гасаны по своим умственным способностям и моральным качествам стоят гораздо ниже чем Гасан, описанный Сейфеддином.

Старый Гасан был бесплатный дурак: то есть за свои дурацкие выходки он ни от кого не получал гонора.

Его потомки, работающие в стамбульских так называемых юмористических журналах, — это весьма дорогостоящие Гасаны. Перелистываешь их произведения и чувствуешь шелест иностранных банкнот.

В Турции, надо полагать, есть немало способных юмористических писателей. Но их имена не встречаются ни в «Каратегезе», ни в «Карикатуре», ни в «Кероглу», ни в «Акбаба». В этих журналах кормятся главным образом бездарные строчкогон и художники-неудачники, которых, видимо, и близко не подпускают к настоящему литературно-художественным изданиям.

Вот эта публика и заполняет свои журнальчики злобной, тупой клеветой на Советский Союз, на советский народ, на Красную Армию.

Не найдете здесь ни одной хоть мало-мальски талантливой карикатуры или заметки, о которой можно бы чистосердечно сказать:

— Очень зло, но смешно, остроумно.

Правда, те, у которых эти журнальчики находятся на содержании, не требуют у их сотрудников невозможного: они знают, что остроумие этим людям не по силам, если даже и прибавить им еще несколько франков или фунтов стерлингов.

Аллах награждает их большим аппетитом и маленькой головой. Так пусть действуют, как умеют. Для того чтобы разводить грязь на

страницах журналов, им вполне достаточно небольшая порция ума.

И Гасаны в поте лица своего стараются. Зная ясли господина своего, зная мысли и директивы господина своего, Гасаны самыми черными красками рисуют советский народ. На страницах этих журналов все русские люди, все красноармейцы изображаются дикарями, бандитами, трусами.

Все жалкие измышления таких агентов, как Гавас и Рейтер, тотчас же перепеваются в стамбульских «юмористических» журнальчиках. А кое-что, чтобы еще больше угодить господину своему, добавляется и от себя.

Вот обложка журнала «Каратегез». Сидит белочка и плачет горькими слезами. А Каратегез (турецкий «Петрушка») утешает его: «Не плачь, ты победил русских» (!).

В другом таком же журнальчике на обложке нарисован красноармеец, наступающий на финские твердыни, а вдали виднеется английская эскадра. А подпись такая:

«Хотя русские и смогли разрушить некоторые стены финнов, эта нация не разбита. Англичанин, увидев это, отправил свой флот в финские воды. Во всяком случае, из этой финской проблемы что-то выйдет! Посмотрим, увидим!»

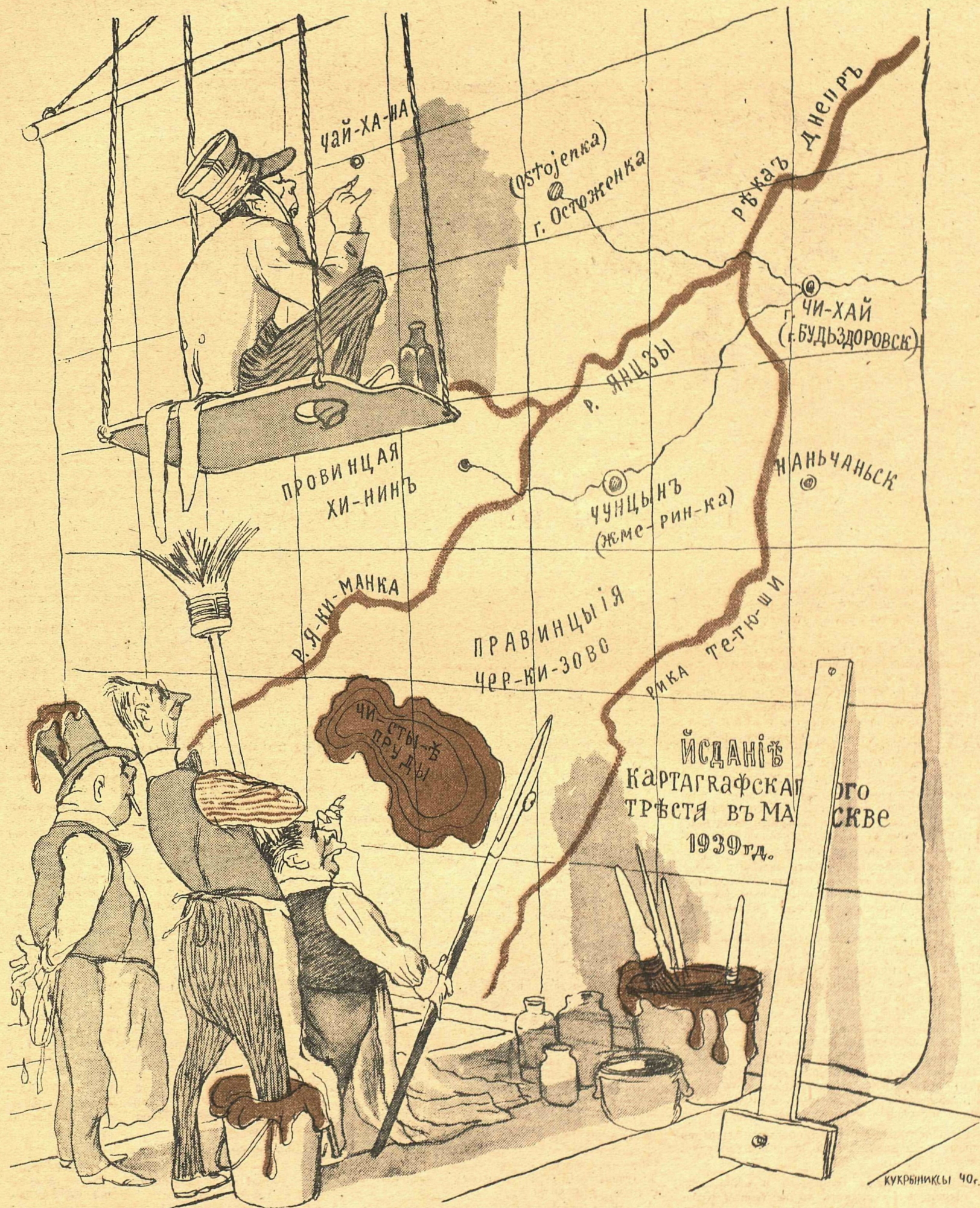
Мы привели только два примера, показывающие, как глупость и невежество прочно осели в этой «литературе», где господствует Гасан, в чьем кармане шурилит иностранная валюта.

Умные турки — то есть не сотрудники «Каратегеза», «Кероглу» и им подобных — хорошо понимают, что представляют собой редакции этих журнальчиков.

Умные турки говорят:

— У нас в Стамбуле не мало еще непотребных домов: одни называются так, другие — этак, а третьи — «Каратегез», «Кероглу», «Акбаба».

Г. РЫКЛИН

Географическая артель „Напрасный труд“.

— Как ты не стесняешься выступать с такой халтурой перед публикой?
— Да я не перед публикой: я — перед микрофоном.

Беспокойство

ЕВСЕЙ Туркин, коренастый, невысокий, уже пожилой человек, сидел, согнувшись, на скамье и большими ножницами стриг на ногах ногти.

Вдруг дверь открылась, и в избу вбежала махонькая дочь кооператора Лукошников Дашутка, а за нею вошел незнакомый гражданин с портфелем.

— Дяденька Евсей, — скороговоркой сказала Дашутка, — папая сказал, чтобы этот дяденька ночевал у тебя.

И убежала.

Евсей не удивился: у него просторная чистая изба, и к нему часто приходят ночевать приезжие люди. Одни из них платят Евсею за ночлег рубль, другие — три. Это уж у кого-какая совесть.

— Милости прошу, — сказал Евсей новому постояльцу, смахивая со скамьи отрезанные ногти. — Самовар, может, желаете?..

Через полчаса Евсей и постоялец сидели у стола и пили чай. Оказалось, что гражданин заготавливает зайчи, лисы, сусликовые шкурки...

— Зайца у нас в этом году страсть, — говорил Евсей постояльцу. — Сколько яблонь обглодали, окайные! А позвольте вас спросить: вы как — от процента живете или от жалованья?

Постоялец в свою очередь поинтересовался, колхозник ли Евсей Туркин, где его жена, есть ли дети. Да, Евсей — колхозник и в прошлом году заработал полтора года трудодней. Заработал бы и больше, да животом промаялся месяца два. А старуха уехала гостить в Шмырки, к дочери...

— Один теперь оказался, — говорил Евсей. — Вот только постояльцы иной раз наедут. У меня жить чисто, хорошо. У других вон клоп, мышь. А у меня этого и в заводе не бывает. А позвольте вас спросить: чего это вы в стакан примешиваете — лекарство оно, что ли, какое? А-а, коньяк! Вот это я даже и не пробовал никогда и нюхать даже не пришлось. Благодарю вас покорнейше, сейчас попробую... А вон у нас тут есть один, Козодоев Яков, так он тоже к себе на постой людей пускает. Единоличник он, Козодоев-то Яков Силантыч. Постояльцев к себе пускает, а крыс перевести не может. Ни у кого во всей деревне крыс нет, а у него, скажи на милость, ну чистые змеи! Намедни, сказывают, пустил к себе ночевать мастера по сыру. Он, мастер-то этот, приехал в сыровары наниматься, потому что он может хороший сыр варить, с ноздрей. Лег он у Козодоева спать, поставил подле себя валенки, хорошие валенки были. На утро глядит: где валенки? Одни только ошметки остались.

Евсей выпил еще стакан чаю с коньяком и раскраснелся.

— У меня такой привычки нет — плати деньги вперед. Я к человеку доверие имею. Он еще и слова не сказал, а я уж вижу, кто он есть. В году у меня народу е-е-е! И хорошие, партийные люди стоят и косвенные люди тоже стоят. Будто он приехал научить, как надо гриб-шампиньон сеять, а глядишь — стопку водки выпьет, яичницу скушает и домой собирается. «Поеду, говорит, утрясу сперва вопрос с шампиньонам в директивных органах, а потом опять сюда приеду»... А намедни у меня два вроде индейца жили и в клубе фокусы делали. Возьмут горшок, поглядишь в него: ничего будто там и нет совсем. Горшок и горшок. А они постучат, пошвыстят, и оттуда гусь с шипом лезет. Тоже ко мне ночевать приходили. А я что? Пожалуйста, милости прошу, ночуйте. Покажите свои пацпорта — и милости прошу. У каждого, конечно, пацпорт не спрашиваю, а насчет некоторых такая тоска засосет, что хочешь не хочешь, а среди ночи встанешь, разбудишь: «Прошу вашего прощения, покажите ваш пацпорт». Другой осерчает, зашумит, а что будешь делать? Село у нас большое, шутка сказать: две тысячи дворов, семь колхозов, три колхоза с орденами ходят. Наш — «Вторая пятилетка» — тоже с орденом ходит. Заведения всякие завели: там клуб, там электрическая станция, там завод сыроваренный, там зубное кресло за шесть тысяч купили, а у

Маленькие рассказы

ПО ПРИВЫЧКЕ

Сын готовил уроки. Пришел к отцу.

— Папа! Дробь $\frac{150}{30}$ можно сократить?

Не слушая, отец отмахнулся:

— Нельзя сократить!

— А тут написано, что можно сократить.

— Мало ли что написано! Мне вот тоже пишут, что можно сократить, а я считаю, что нельзя, нельзя, нельзя!..

И сердито откинул урезанную смету управленческих расходов.

В. ТОБОЛЯКОВ

НА СВОЕМ МЕСТЕ

У одной гражданки был очень плохой характер. Кроме того у нее был громкий и резкий голос. Соседи знали, что последнее слово всегда останется за ней, потому что ни одно слово не было у нее последним. Муж этой гражданки очень страдал, так как не имел возможности, подобно соседям, уйти в другую комнату, а вату, которую он вкладывал в уши, гражданка собственноручно из упомянутых ушей извлекала.

Вполне сознавая свои интересы, соседи и муж неоднократно устраивали гражданку на службу, но нигде ее не держали даже до конца испытательного срока: настолько невыносимы и постоянны были проявления ее свавливости.

Но их выручила случайность: пятилетний мальчик, будучи с матерью в гостях у одной

из соседок, увидел и услышал гражданку и обрадованно сказал:

— Совсем как кондуктор троллейбуса!

И действительно, гражданку удалось устроить кондуктором троллейбуса, где она и работает уже несколько лет. А муж и соседи охотно пользуются услугами метро.

МОРАЛЬ. Не следует, однако, пренебрегать и другими способами комплектования кадров.

МИХ. МАРТЫНОВ

РЕДКИЙ СЛУЧАЙ

Мы сидели в садике. Мимо носились ребята, поколачивая шорой друг друга по затылку.

— Школа и дом должны интересоваться друг другом, тогда и поведение ребят изменится к лучшему, — сказал один из нас.

— Редко это бывает, — возразил другой.

— Но все-таки бывает, — добавил спорщик.

И, подозвав сероглазого мальчика, спросил:

— Слушай, товарищ. Твоя мама видится с твоей учительницей?

— Видится.

— А часто?

— Да каждый день.

— И на каникулах твоя мама будет видиться с учительницей?

— Обязательно!

— Вот какие матери бывают! — восторженно воскликнул спорщик. — Такую маму отметить надо. Твоя мама где работает?

— Да где? В школе же. Учительницей моей...

В. ТОБОЛЯКОВ

нас вон ферму с черными лисами завели. Что ни лиса, то и капитал. К такому месту всяких людей притягивает. Вот тут и гадай: может, он фокусы приехал делать или цыганские песни петь, а может, у него мнение украсть чего-нибудь или пожар сделать. Вот с тебя я пачпорт не прошу, потому что ты для меня человек вроде бесспорный и пришел ты ко мне не сам, а Семен Семеныч Лукошников тебя прислал. На нем и ответ. Милиционер Аветкин Григорий Макарыч мне говорит: «У нас городского положения нет, и пачпорта мы у людей не берем, но ты все-таки приглядишься, как бы в хорошем пальте и с вежливыми словами мошенник к тебе не подлез. Твоя изба как раз среди общественного богатства стоит. Конечно, говорит, на девяносто девять процентов к нам золотой народ ездит, а на один процент могут и жулики приехать. Имей, говорит, об общественном добре беспокойство...» Говорю ему: «Это я, Григорий Макарыч, хорошо понимаю, и меня иной раз такая тоска сосет, что спать не могу. Но у некоторых граждан такое мнение, что они мне документ и пачпорт не хотят показать. Спросишь другой раз пачпорт, а он на дыбки: «А тебе, собственно говоря, какая такая забота о моих документах? Ты лицо частное». И нег для меня хуже, как требовать с человека пачпорт и документ. Намедни пришел человек, говорит: «Меня к тебе ветеринар Суконников прислал. Буду у тебя ночевать». А уж ночь, и на дворе такая стужа, что и сказать нельзя. Зажег я лампу, гляжу: человек еще не старый, здоровущий, по всему лицу небритая щетина стоит. «Милости, говорю, прошу. У меня, говорю, нет привычки, чтобы в такой мороз людей из избы гнать...» Самовар он попросил, и сидим мы с ним, как вот теперь с тобой. «Чем, говорю, занимаетесь?» А он: «С одной, говорит, стороны, железным ломом, а с другой стороны — костями...» «Какими, позволяете спросить, костями?» «Я, говорит, от Утильсырья, а какими костями, — известно: коровьими, лошадиными... Только, говорит, падежа скотины нынче совсем мало, и кость поступает совершенно неудовлетворительно...» Пьем мы с ним чай, разговариваем об этих костях, и вдруг он так говорит: «Мичурин, говорит, в садоводстве, Лысенко в яровизации, а я, говорю, имею новую мысль в части кости, но поддержки мне нету...» «Это, позволяете спросить, какую вы мысль имеете об костях?» А он: «Надо бы, говорит, все кладбища разрыть и человеческую кость тоже в утильсырье пустить. Вот ты, говорит, к примеру, помрешь, и тебе разве не все равно — сгниет твоя кость в земле или я ее в ширпотреб пушу?» «Позвольте, говорю, спросить, в каком это понятии вы мою кость пустите?» А он: «В разном, говорит, понятии: к примеру, из твоей ноги можно дудку для оркестра сделать, и в нее будут оперы свистеть; еще можно ручку сделать и вечный карандаш, и какой-нибудь жених будет твоей костью письмо писать своей невесте: дескать, люблю тебя безумно...»

Засосала меня тут тоска, думаю: «Этот человек косвенный и имеет мнение против законного положения...» Ну и ну! И пошли у меня всякие мысли, и спать уже не могу. Изба-то как раз среди общественного богатства стоит, и если что он сделает, то на мне первая вина и стыд. Скажи на милость, всю ночь я не спал! А на утро он встал, чаю попил. «Ну, говорит, со всей вашей костью думаю к обеду управиться и больше к тебе уже не приду. Сколько с меня приходится?» Рассчитался честь-честью. К вечеру, гляжу: везет два воза костей. Стало быть, ночь-то я зря маялся.

Новый постоялец отодвинул стакан и засмеялся:

— Ну, вот что... Евсей Егорыч, кажется? Чтобы ты ночь спокойно спал, посмотри мой паспорт и, если хочешь, посмотри мое командировочное...

— Да нет, — сказал Евсей, — ты для меня человек вроде бесспорный...

Все же взял паспорт, придвинул к себе лампу, проговорил:

— Только так, для интересу. Может, где-нибудь еще придется свидеться, так уж будем иметь друг о дружбе понятие.

А. КОЛОСОВ

ПРИЧУДЫ КЛИМАТА

Рис. Л. Генча

— Вот странно! Зимой картофель здесь почему-то замерз, а лед теперь тает.

В нефтелавке

Он был лирический поэт,
Она — кассирша нефтелавки.
Обоим вместе — сорок лет,
Иль сорок пять, по точной справке.
Не он молчал. Молчал, как пень.
Лишь про себя шептал он: «Зина...»
И покупал зачем-то в день
По восемь литров керосина.
И вот однажды, всей душой
Стремясь к решающему мигу,
Он к ней, угрюмый, подошел
И просит жалобную книгу...
Она, конечно, смущена,
От страха сердце задрожало:
Ведь это, может быть, она
Объект его свирепых жалоб?..
А он, во власти всех стихий,
Уже рифмует с розой грезу:
Впервые жаркие стихи
Вплелись в жалобную прозу.
Писал он: «Зина! Вижу сам:
Сердечных не одержать движений!
Я предлагаю руку вам
Чрез эту книгу предложений.
Осуществим мой твердый план:
Два пункта в нем: 1) любовь; 2) учеба.
Бросайте кассовый чулан,
И будем счастливы до гроба!»
А через семь иль восемь дней
Завлашкой надписал: «Согласен,
Поскольку взор ее очей
Для лавки стал огнеопасен...»

АЛЕКСЕЙ РЕЗАПКИН

— Этот чемодан будет мой, потому что я иду за ним.
 — Нет, чемодан будет мой, потому что я собираюсь его защищать.

Баллада о раскаявшемся дон-жуане

1
 Был Жора страшным дон-жуаном.
 Весьма хорош собой с лица.
 Улыбкой, речью, стройным станом
 Он сразу покорял сердца.
 Однажды Жора в колебание:
 Назначили (как им не лень!)
 Четыре девушки свиданье
 Ему в один и тот же день.

2
 Но не смутись надолго Жору:
 «Осилю! Значит, разберем:
 В двенадцать с Верочкой — в «Аврору»,
 В «Ударник» с Ниной — к четверем,
 К восьми — в «Художественный» с Валей,
 В одиннадцать — с Наташей в «Арсе»!
 ...Так он решил. Но знал едва ли,
 Что в драму превратится фарс...

3
 Вот он к двенадцати в «Авроре»
 В потемках Вере ручку жмет...

А на экране волны, море!
 (Картина «Рыбаки» идет.)
 Вот он в «Ударнике» в четыре.
 Опять пожатие руки...
 А на экране волны шире!
 Идут опять же «Рыбаки».

4
 Его, как от морской болезни,
 Качает и слегка тошнит.
 Простясь (он мог бы быть любезней!),
 Он с Валей вновь в кино спешит.
 Но там трясется в мелкой дрожи,
 Изнемогая от тоски.
 Увы! В «Художественном» тоже
 Идут, конечно, «Рыбаки».

5
 В одиннадцать — бедняга в «Арсе».
 Он изнемог... Он обалдел.
 И снова часовой на марсе,
 И вновь он «Рыбаков» узрел.
 Холодный пот как дождь закапал,

И закатились зрачки.
 Сползает с кресла Жора на пол:
 Его сразили «Рыбаки».

6
 С тех пор герой сердце не губит.
 Порядок в жизни, гладь и тишь.
 Он только досмерти не любит
 Киноплакатов и афиш.
 И получил я извещение,
 Что скоро будет прочтено
 Им небольшое сообщение:
 «Как я исправился в кино».

7
 Мы подчеркнули этой драмой
 Идею, ясную для всех:
 С одной (любимой вами) дамой
 Пойти в кино — отнюдь не грех,
 Но если с Дашей, с Глашей, с Машей,—
 Печален будет результат:
 На страже нравственности вашей
 Всегда стоит кинопрокат.

НИКОЛАЙ АДУЕВ

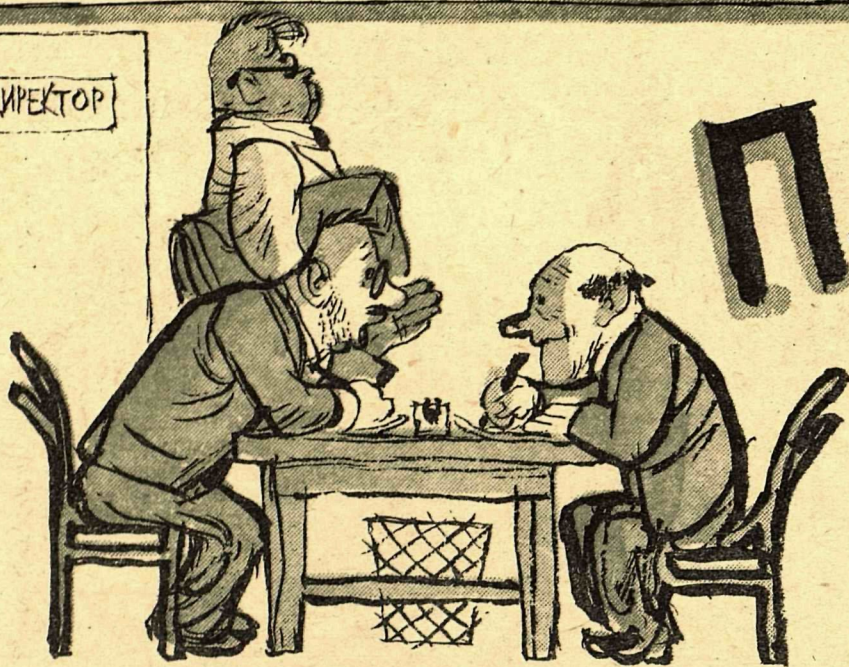

Обычные правила хорошего тона общеизвестны („не есть рыбу ножом“ и т. п.). Но жизнь богаче и разнообразнее этих старых, примитивных правил. Изображенная на нашем рисунке „Школа хорошего тона“ доказывает это со всей очевидностью. Как не надо вести себя за столом? Не надо выковыривать горчицу пальцем, чихать в лицо соседу, вытираться скатертью, чистить зубы ногтями. Манекены старика, старухи и младенца наглядно показывают, кому надо уступать место в трамвае. Писать на заборах вообще не следует. Но если уж так неистребима страсть к заборным надписям, то лучше всего делать надписи лирические, вроде той, которая приведена на рисунке. Коллективное заучивание трудно усваиваемого слова „извините“ ясно способствует повышению культурного уровня представителей ряда обслуживающих профессий. Экспонаты анатомического характера могут помочь установлению правильных взаимоотношений между пассажирами и работниками городского транспорта. Наконец, в школе произойдет практическое освоение урни, обычно бездействующих из-за неумения пользоваться этими гигиеническими сосудами. Крокодил не сомневается в благотворном влиянии открытой им школы на еще подрастающее и уже выросшее поколение.

ЧЕМБЕРЛЕН:—А нам
сюда можно? У нас
тоже плакали денюжки
в Польше и Финляндии.

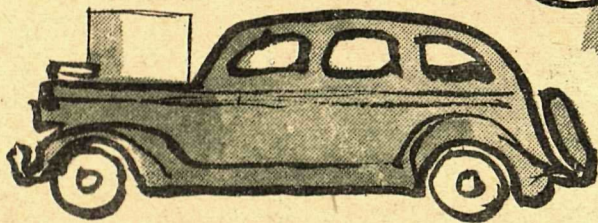
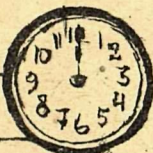
ДИРЕКТОР

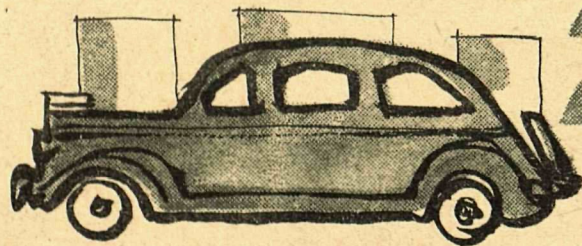
— Не говорите о даче, автомобиле и обстановке:
директор может это отнести на свой счет.
— Никогда. Он давно уже все это отнес на счет
государства.

ПЛАКАЛИ

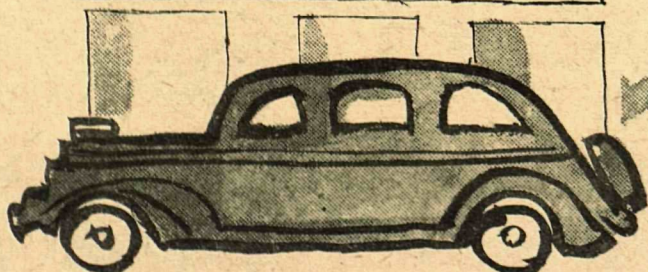
Ателье Мод

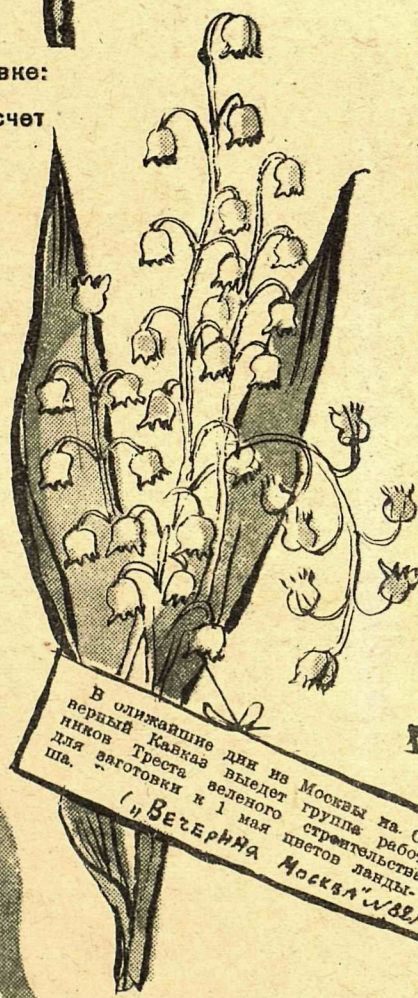
ПАРИКМАХЕРСКАЯ

КОМИССИОННЫЙ

АВТОМОБИЛЬНАЯ КАТАСТРОФА

В олимпиаде для из Москвы на Ос-
перный Кавказ выедет группа работ-
ников Треста веледет строительства
для заготовки к 1 мая цветов ланды-
ша. «ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА» 1/32/

«Расскажите вы ей,
Цветы мои...»

Комиссия советского контроля.

Вчера казенная машина
«ЗИС-101» попала под жену
начальника треста.

В центре — премированный. В
его премировала.

— Вам жаль героя эт
— Нет, мне жалко де

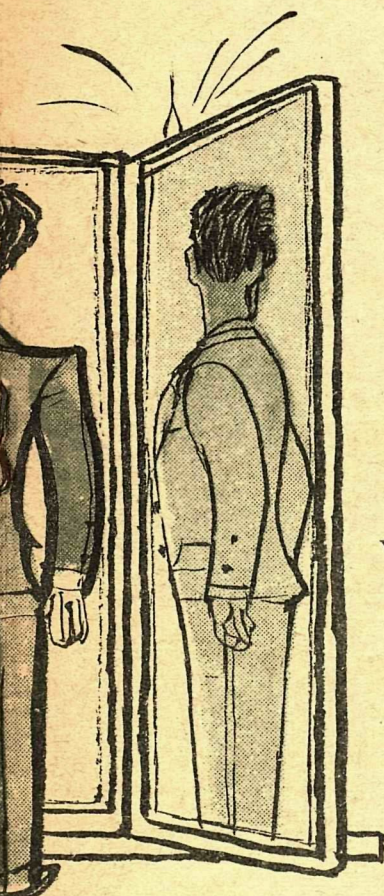
ДЕЖЖЖЖ

Реклама.

Счет
Просим уплатить
44 мм. рублей
за изготовление
рыбных
реклам
двое

Факт, а не ре-
клама.

— Почему вы не принимаете участия в совещании?
— У меня с желудком что-то неладно.

Вокруг — тройка, которая

ой пьесы?
нет.

НАБОРЫ
ИНСТРУМЕНТОВ
ДЛЯ ВСКРЫТИЯ НЕСТОРАЕМЫХ КАСС

— Куда
вы при-
ткнете эти
дорогие
колонны?
— К сме-
те.

— Долго у вас будут такие порядки?
— Конечно, нет. Только до первых морозов.

История одного выдвижения

Он не был честолюбив. Отнюдь нет. И это являлось большим горем для его близких и родных.

Товарищи его всегда занимали высокие командные посты, отдавали боевые приказы, совершали ряд героических наступлений, блестящих атак, ловких маневров—он же всегда был в стороне.

В лучшем случае он скромно занимал пост механика, доктора, члена суда или просто зрителя, восхищенно следившего за разворачивающимися событиями.

Было ему шесть лет. Звали его Марик.

— И в кого он такой? — с грустью шептала мать. — Все дети, как дети. Военкомы, командармы... Только у нашего никаких импульсов.

Отец, характера робкого и тихого, виновато молчал. Потом они оба глядели в окно на двор.

Отряд танкистов с пронзительным криком занимал вражескую крепость. Авангард уже расположился в пустом сарае и водружал там алое знамя. Марика не было среди победителей. Он скромно стоял в карауле, потом с готовностью сдавался и падал уби-

тым наповал. Убивали его без конца. И он сам вежливо ложился в траву, лежал там неподвижно минут пять, потом вставал и опять падал, сраженный шальной пулей. Роль трупа он исполнял привычно и весело. После битвы он подводил коня Ворошилову, перевязывал раны Чапаеву.

— Кем ты был сегодня? — спрашивали его дома.

— Убитым шесть раз.

— Опять убитым! Почему?

— А я белым был.

— Белым! Я этого не вынесу! Отвечай, дурак, почему?

— А я в сарае сидел. Додька мне говорит: «Белый?» Я говорю: «Белый». Он как крикнет: «Сдавайся!» Я как крикну: «Сдаюся!»

— А Шурка кем был? — ревниво допытывалась мать.

— Ворошиловым.

— А почему не ты Ворошиловым?

— А я убиваюсь лучше всех. Никто так не умеет.

— Это Акакий Акакиевич какой-то растет! Приспособленец! Трус! Это—твое воспитание! — раздражаясь, кричал отец.

— Мое? — удивлялась мать. — Да он весь в тебя.

Но в один прекрасный день Марик был вознесен на головокружительную высоту. День этот начался, как все дни. После утреннего завтрака Марик, полный энергии, выбежал во двор. Там уже начиналась деловая повседневная суматоха. Распределялись отряды, перекликался патруль, и готовилась очередная битва. Марик привычно ждал скромного назначения, сидя на пенке.

Рядом с ним присели близнецы Вовка и Юрик, пяти лет. Эти близнецы уже давно приобрели печальную известность. Вот уже пятый день они досаждали бойцам настойчивыми просьбами принять их в Ворошиловы, ссылаясь на то, что их отец — красный командир на границе. Получая категорический отказ, они заливались диким ревом и грозили пожаловаться отцу. Но ничего не помогало.

Сейчас они, полные смертельной обиды, сидели смиренненько с Мариком и заливали слезами два бублика.

Уже промчался отряд кавалерии во главе с Шуркой, уже враг бежал и был загнан пин-

ками в сарай, и оттуда неслись его крики, полные предсмертного томления.

Только они трое не принимали в бою никакого участия. Они не получили никакого назначения. О них забыли.

Грустный свиток обид, неиспользованных возможностей, загубленных надежд развертывался перед их затуманенными глазами.

— Марик, знаешь чего? Давай вместе будем. Вроде как красная дивизия, — предложил вдруг шопотом Вовка.

Марик грустно усмехнулся:

— А что мы втроем можем? Шурка как налетит, как смажет... Вот тебе и дивизия.

Но вдруг из-за будки дворника выскочил небольшой отряд, предводительствуемый Додькой, личным адъютантом Чапаева. Отряд остановился, окинул взглядом опустевший двор и, увидя трех беззащитных бойцов, лихо прогалоцировал к ним.

— Сдавайся! — крикнул зычно Додька.

Но Марик неожиданно ответил:

— Нет.

— Чего? — у командира отряда — рыжего Додьки — даже веснушки побелели от удивления. — Как это ты не сдаешься? А по башке хочешь?

Марик подумал и ответил спокойно:

— Нет. Я на истребителе.

Близнецы его поддержали:

— Нас тоже не возьмешь. Мы с ним вместе сидим.

Отряд хотел было отступить, но Додька быстро нашел выход из положения.

— Вперед! Мы тоже на самолете! Сражайся! — и стал размахивать деревянкой.

Близнецы, дружно перекусив рты, начали было подымать руки, но Марик продолжал упорно сопротивляться:

— А я еще выше.

— Чего выше?

— Лечу выше.

— Разговаривай еще! Отряд, вперед! Самолет горит, летчики выскочили, а мы их перехватили. Ура! Отвести в штаб пленных.

Отряд, схватив за шиворот близнецов и Марика, приготовился стащить их в сарай, но Марик, вырвавшись из цепких рук Додьки спокойно возразил:

— Нет. Не горит. Я не выскочил. Я Коккинаки. Всех выше.

Близнецы, икнув от волнения, хором завопили:

— А мы его механики.

Перед этим аргументом Додька спасовал и, свистнув отряду, помчался в штаб за инструкциями. Эскадрилья все так же одиноко продолжала сидеть на пенке. Близнецы, сразу потеряв мужество, робко уговаривали Марика:

— А может, сдадимся?

Но Марик был непреклонен:

— Эх, вы, а еще в Ворошиловы хотите! Сидите.

Из-за угла показался Шурка с ватагой оруженосцев. Увидев Шурика, эскадрилья затрепетала. Сделав два тура, отряд остановился, и Шурика вонзил свои яркосиние глаза в бунтующую кучку.

— Вы что? — спросил он.

— Бунтуем, — покорно ответили бунтовщики.

— Не сдаетесь красной кавалерии?

— Мы теперь тоже красные. На истребителе, — дружно ответили близнецы.

Марик с достоинством продолжал:

— Я Коккинаки. Всех выше. Не догоните.

Шурка помолчал, не находя возражения.

И отряд ускорил дальше, сея смерть и разрушение.

Три дня подряд героическая кучка занимала позицию на пенке, не принимая участия в боях. На все вопросы растерянных бойцов эскадрилья упорно отвечала:

— Мы Коккинаки. Всех выше. Нас не возьмешь.

И, наконец, после краткого совещания Шурка отдал приказ:

— Назначить Марика начальником всех самолетов, близнецов — в личные адъютанты Ворошилова!

Так началось блестящее выдвижение моего племянника Марика.

АННА ПАВЛОВА

Рис. Л. Генча

Весеннее благоустройство.

Студентам-выпускникам

Готовые умчаться неуклонно
Из этих стен неведомо куда,
Друзья мои,
«Примите благосклонно
Сей бедный плод усердного труда».
Вы завершили долгое ученье.
На языках — последнее прости.
А потому — до места назначения
Желаю вам счастливого пути!
Желаю вам не месяцы, а годы,
Не утася, творчески пылать.
Желаю вам безоблачной погоды,
Всего, что полагается желать.
И, в частности, в последнюю минуту
Желаю вам опять собраться тут
И медленно пройти по институту,
Чтоб долго-долго помнить институт.
Я сам не знал до этого момента,
Как нелегко покинуть этот зал...
Вот наш директор,
Помните, студенты,
Ведь он же нам стипендии срезал.
А мы, ха-ха, «кипели жадной мести»,
Хотели не мириться с ним вовек.
И лишь теперь открыто скажем вместе,

Что наш директор — славный человек!
Сегодня как-то стали мне дороже
И этих стен сомнительный уют,
И лица всех товарищей,
И рожи,
Которые долгов не отдают.
Товарищи,
Придет такое время,
Случайное и краткое, когда
Мы встретимся, но только не со всеми.
И вспомним невозвратные года.
Вчерашние девчонки и мальчишки.
Мы встретимся и вспомним всех ребят...
О ком-то мы узнаем понаслышке,
О ком-то все газеты протрубят?!
Давайте же сегодня веселиться.
Печаль и грусть запретите на засов.
Да здравствуют сильные лица!
Влюбленные, не вешайте носов!
Да здравствуют решающие встречи.
Вокзальные звонки и суетня,
Открытый путь, развернутые плечи
И вся повестка завтрашнего дня!

СЕРГЕЙ СМЕРНОВ

— Скажите, это настоящая шерсть или пополам с бумагой?

Дальний родственник

СУПРУГИ Ракитины здорово недолюбливают дальнего своего родственника Филиппа Ивановича Каретникова.

Работает Филипп Иванович где-то под Челябинском, на торфоразработках, старшим экономистом по планированию. Но в Москве Каретников умудряется бывать по служебным делам чуть ли не ежемесячно. Останавливается экономист, разумеется, не в гостинице, а у Ракитиных, живущих в тесной, десятиметровой комнатке на Арбате.

— Привет москвичам! — кричит Каретников еще в коридоре, возвещая о своем приезде голосом зычным, как полковая труба. — Хозяйка, принимай гостя!

Он вваливается в комнату с шумным нагнанным весельем:

— Потеснимся, родственнички! В тесноте, да не в обиде!

Не ожидая приглашения, Филипп Иванович занимает половину комнаты громоздким факерным чемоданом.

— Получай подарок, хозяйка! Из-под самой Челябин вез, — не унимается гость и сует смущенной Ракитиной нитяное кашне или дешовую брошку, купленную полчаса назад в привокзальном киоске.

Затем Каретников разоблачается, кладет на постель засаленное пальто, предназначенное исключительно для командировок, извлекает из чемодана груды грязного белья, пересчитывает его и отдает хозяйке в стирку.

— Наведи блеск по-родственному! — смеется Филипп Иванович и дружески хлопает Ракитину по плечу.

Последний раз Каретников пожаловал к Ракитиным дней шесть назад. Уедет он нескоро: обычно экономист живет в Москве подолгу. Во всяком случае, каждая командировка длится не менее двух недель.

Каретников ведет в столице приятный и размеренный образ жизни. Просыпается он не раньше одиннадцати. Ракитиных давно уже нет: они утром, стараясь не шуметь, ушли на службу. Филипп Иванович соскальзывает в кальсонах с постели, заводит патефон и снова ныряет под одеяло.

Когда пластинка кончается, Каретников меняет ее и одевается под музыку. Тщательно умывшись и проглядев газету, экономист мед-

ленно уничтожает завтрак, оставленный деликатными хозяевами. До обеда он успевает посетить Центральный универсам Мосторга, несколько комиссионных магазинов и посидеть в скверике возле Большого театра. В главке экономист забегает в самом конце дня. Зато к обеду он возвращается всегда вовремя.

Уже за супом Каретников начинает всячески поносить Москву, москвичей и свой главк:

— Как вы только здесь живете?! Убейте, не пойму. Я бы в Москве ни за какие деньги не остался. Что за город! Шум, гам, тарарам! Пройдешь по улице — после целый день в голове гудит: бум-бум-бум! А народ какой! Все бегут, куда-то торопятся.

— По-моему, Москва — хороший город, — несмело отзывается Ракитина. — Надо только к ней привыкнуть.

— Бросьте ерундить! — обрывает Каретников. — Если бы не командировки, ноги моей здесь не было бы.

Пока хозяйка накладывает второе, гость продолжает развивать свою мысль:

— Нет, в Москве трудно. Да вот посмотрите на себя: вы ужасно выглядите. Особенно ты, старина. Осунулся, мешки под глазами, совсем больной вид. Мне, свежему человеку, это как-то сразу бросилось в глаза.

Каретников берет от Ракитиной тарелку и добавляет:

— Может быть, ты плохо питаешься, старина? Смотри, хозяйка, корми его получше, а то он и ноги протянет.

При этом гость немотивированно смеется и весело подмигивает Ракитину.

— Что ты?! — смущается хозяйка. — Я чувствую себя отлично. Просто немного устал. Работаю много.

— Та-та-та! Знаем, как у вас в Москве работают! — грохочет Каретников. — Насмотрелся! Посмешище, а не работа! Возьми наш главк. Поверишь ли, я сегодня с одним нашим ответственным работником часа два в буфете просидел. И это в разгар рабочего дня. Нравы, нравы-то какие!

— А вы поставьте об этом вопрос, — говорит Ракитина. — Ведь сейчас сокращают раздутые штаты.

— Наивность! — усмеивается Каретников. — Святая наивность! Кто меня послушает? Такая

там неразбериха! Вот уж сколько дней отчета у меня принять не могут. Зашились! Мне, конечно, что! Мне идут командировочные... Мы люди маленькие, периферийные.

Филипп Иванович так недоволен своим главком, что на другой день вовсе туда не идет. Время до обеда он проводит в Сандуновских банях, где долго парится, плещется в бассейне, а затем жалуется мозольному оператору на своих родственников Ракитиных, ругая их за плохое гостеприимство.

Следующие два дня экономист забегает в главк только на полчаса, чтобы показаться. Остальное время поглощают наблюдения за скоростной стройкой корпуса «Г» на улице Горького и поездка на троллейбусе в Фили для осмотра Кутузовской избы, которой экономист, впрочем, остался недоволен.

Но вот однажды периферийный гость приходит к обеду в сумрачном, панихидном настроении.

— Бельишко готово? — хмуро спрашивает он у хозяйки. — Сегодня уезжаю.

— Утвердили ваш отчет? — вежливо осведомляется Ракитина.

— Чорта с два утвердили! Придется перedelывать. К цифрам придрались. Иезуиты!

— Да, когда отчет проходит много инстанций...

— В том-то и беда, что один человек проверял. В главке-то реорганизацию провели. Сокращение аппарата. Теперь на отчетах сидит только один человек, нечего сказать!

— Но ведь ты сам ратовал за сокращение...

Филипп Иванович в ответ смотрит на Ракитина долгим, неподвижным и злым взглядом, потом плотнее усаживается в кресло и до тех пор, пока за ним не заезжает такси, ругает главк, москвичей, Кутузовскую избу и Сандуновские бани.

Прощаясь с Ракитиным, экономист говорит: — Исправленный отчет велит выслать почтой. Чорта с два! Привезу лично. Живой связи с местами чураются. Дармоеды!

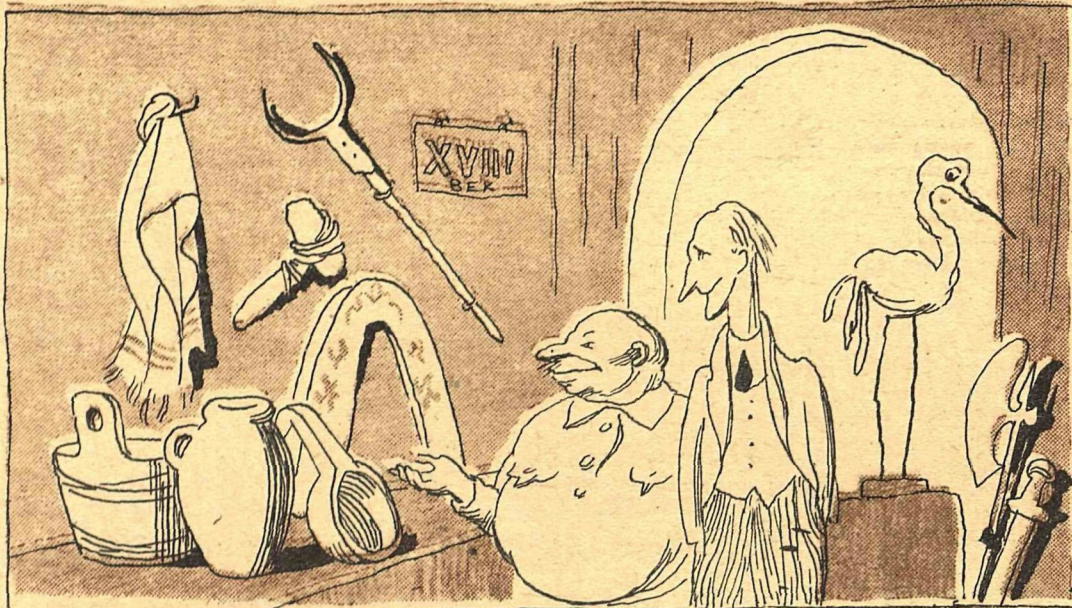
Когда Ракитины пожимают руку своему дальнему родственнику, в душе у них разом поднимаются два чувства. Они рады, что уже завтра не увидят этого неприятного человека, и со страхом думают о том, что он скоро опять приедет.

Е. и С. ШАТРОВЫ

— Поставьте мне добавочный телефон: я лично буду руководить севом.

Рис. Б. Пророкова

— Вот что значит не было железной дороги! Всю эту чепуху мы должны были делать сами.

Особый Отдел

ПРОКУРОР—НЕ ИЩЕЙКА

Редакция александровской районной газеты «Красная звезда» (Чкаловская область) послала районному прокурору копию селькоровской заметки о том, что в совхозе имени Дзержинского рабочие четвертый месяц не получают заработной платы.

На это вскоре последовал ответ:

«Александровская райпрокуратура возвращает вам вашу заметку, так как автор неизвестен, а мы не ищейки».

Прокурор И. Бардин».

При чем тут ищейка? Чтобы воздействовать на директора совхоза, грубо нарушающего советские законы, вовсе не требуется ищейка. Тут требуется только немного здравого смысла и честного отношения к своим прокурорским обязанностям, чем александровский райпрокурор Бардин, к сожалению, не блещет.

Чего нет, того нет! Тут никакая ищейка не поможет!

АВТОРА!!!

Перед нами скромный «учетный листок», составленный Главнабсоставином. Из него видно, что сотрудники этого труднопроходимого учреждения имеют весьма уплотненный рабочий день. Им буквально дохнуть некогда.

Посудите сами. В 10 часов сотрудник пришел на работу, что и зафиксировал в соответствующей графе «учетного листка». Не успел он крутом оглядеться, как в 10 часов 15 минут ему пришлось опять заполнять графу. Не успел он промокнуть эту запись, как уже каверзный листок его спрашивает: «А что ты делал в 10 часов 30 минут?» Не просохли чернила скрожного и неразборчивого оправдания, как в 10 часов 45 минут листок учиняет новый вопрос. И так весь день — до 20 часов включительно — сотрудник каждые 15 минут должен заполнять графы «учетного листка».

И напрасно в конце этого листка задаются такие, не идущие к делу вопросы: «исполнение поручений», «прием почты», «разбор почты», «обед» и т. д. Какие там посетители, каков там почта, о каком исполнении поручений может быть разговор, если сотрудник буквально прикован к листку и не может оторваться от него даже на 15 минут?!

Хотелось бы точно узнать: кто автор этого литературного памятника?

ПЕРЕХОДЯЩЕЕ ЗНАМЯ

Вручая одному из своих леспромхозов переходящее знамя, представитель треста «Уралзападлес» (в Перми) взволнованно говорил речь:

— В четвертом квартале прошлого года вы победили, товарищи! Выражаю твердую уверенность, что и в новом году вы будете крепко держать переходящее знамя, еще шире развывая социалистическое соревнование! Кстати... (Аплодисменты.) ...Кстати, ставлю вас в известность, что за это знамя вам надлежит внести в трест шестьсот рублей.

Вспыхнувшие было с новой силой аплодисменты стихийно оборвались. В наступившей тишине послышался с мест сдавленный голос завхоза:

— Сколько?

— Шестьсот.

Завхозу сделалось дурно. А ночью завхоз бредил. Чудилось ему, что удача не приходит одна, что вслед за знаменем лесорубы отвоевали на футбольном поле переходящий спортивный кубок ценою в полторы тысячи (он будто бы просил: «Дайте нам хоть подешевле. Не надо хрустальный, с серебром, сойдет и деревянный...»). Но трест уже купил хрустальный... А после кубка — новое счастье: переходящий паровой катер ценою в 25 тысяч, за лучшие показатели в плавании.

СУЩЕСТВЕННАЯ ПОПРАВКА

В начале марта Главкинопрокат осчастливил свою периферию очередным приказом за № 105. О чем говорилось в этом приказе, неизвестно, но самая цифра — 100 с лишним приказов за два месяца — красноречиво свидетельствовала о плодотворной деятельности Главка.

После того как приказ уже дошел до адресатов, внезапно обнаружилась ошибка — на телеграф срочно были снаряжены курьеры, и в конторы полетела депеша:

«В разосланном приказе по Главкинопрокату № 105 от 4 марта вкралась неточность: приказ подписан не начальником Главка Столиковским, а заместителем Бондаревым».

Управляющий делами Степанов».

Так была предотвращена катастрофа, ужасающие последствия которой даже трудно себе представить.

Человек на крыше

ВЕЧЕРЕЛО. У недавно выстроенного дома стояла толпа. Она росла, запуская улицу. Любопытные подбегали к месту происшествия и поднимали голову кверху.

— Гм... думает! — вздохнул человек с длинными волосами, выбивавшимися из-под шляпы. — Воспоминания одолевают. Так уж положено, вековая традиция, знаете ли.

— Хороша традиция!.. Легко ли вниз с восьмого этажа!

— Отчего он? — заинтересовалась молодая девушка в голубом берете.

— От любви, — уверенно сказала краснощекая женщина.

— Такая девушка, как вы, ему изменила. Вот он и задумал покончить с собой. Это называется неудачная любовь, — пояснил человек в шляпе.

Девушка покраснела и с любопытством стала смотреть на крышу.

Бойкая старушка рассказывала своей соседнице:

— Прыгала! Матерь божия, царица небесная не даст мне соврать. Прыгала я. Подходят ко мне кассир Петр Гаврилович, молодой счетовод Пяткин, секретарша Зюечка, редактор стенной газеты: «Надо, Марфа Николаевна, оборону крепить?» «Надо», — говорю. «В выходной день мы собираемся, Марфа Николаевна, прыгать с парашютной вышки Парка культуры и отдыха. Ты у нас активная. За тобой последует весь технический персонал. Если желаешь, то подай пример. А если не желаешь, то не надо». Дальше все пошло как следует. Приехали мы в парк. Взошла на вышку. Подвязал меня молодой парень ремнями. Слышу: внизу наш технический персонал начал ахать. Ну, думаю я, пора начинать. Дело не простое — общественное. И взлетела я, как ангел. Вот года только не позволяют, а то бы я прыгала. Талант у меня проявился.

— Так то с парашютом, бабушка. А этот так хочет сигануть.

— А ты откуда знаешь, чего он хочет? Может, он изобретатель? Придумал он летательное приспособление и хочет его испытать.

С диким воем в толпу вклинилась карета скорой помощи. Из нее опрометью выскочил врач с худым, очень длинным лицом, в белом халате поверх пальто.

— Что? Где? — спрашивал он, пропихиваясь через толпу. — Кого придавило или переехало? Где пострадавший?

— Он еще не прыгнул, товарищ врач. Он только собирается. Вон на крыше стоит человек.

— Ага... так, так, — нервно почесал бородку врач. — Ну, а я тут при чем? Кто вызывал скорую помощь? Ведь он еще не тово...

— Да, но это с минуты на минуту может произойти.

— Вот видите. Он, может быть, совсем не прыгнет, а я буду ждать у моря погоды. Эй, гражданин! — заорал он, подняв свое длинное лицо по направлению к крыше. — Слезайте-ка оттуда, не валийте дурака, чорт вас возьми! Он сел в кабину, и карета скорой помощи с пронзительным воем помчалась дальше.

В толпе, зашумевшей улицей, быстро разносились новости:

— Пожарную команду вызвали. Пожарные протянут внизу брезент и будут ждать. Он прыгнет — они и поймут его в брезент.

— Дворник из соседнего дома ползет наверх. Хочет стащить его вниз. Милиционер еще ползет.

— Будет он их ждать, пока они его схватят!

— Больше ждал, еще подождет.

На крыше показалась вторая фигура. Она подошла к первой, пощупала ее и, наклонившись вниз, прокричала:

— Граждане, не волнуйтесь! Это скульптура! Человек в шляпе ахнул и начал пристально вглядываться в то, что стояло на крыше.

— Так оно и есть. Это же моя. Моя! Чорт бы взял этого архитектора! Василий Николаевич, говорит, нам нужно ваше произведение. Где будет стоять? В каком месте? А это мы сами решим. У нас, говорит, много домов. Мы ваше произведение поставим в таком месте, где оно будет звучать. Вот и поставили!..

НИК. КРАСНОЧУБ

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Уважаемый Крокодил!

С одной стороны, нельзя не отметить, что тов. Емельянов — большой любитель кино. С другой стороны, нельзя умолчать, что, будучи председателем заводского комитета вольского цементного завода «Красный Октябрь», он также увлекается заседаниями.

Другого человека эти два чувства — страсть к кино и любовь к заседаниям — привели бы к серьезным конфликтам. Но Емельянов, будучи, очевидно, от природы человеком рассудительным, нашел выход.

Однажды в заводском клубе должен был демонстрироваться фильм «Учитель». В это же время в заводоуправлении происходило заседание с участием Емельянова. Как быть?

Очень просто. Задержать демонстрацию картины до тех пор, пока не освободится сам Емельянов. Так и было сделано. 300 человек ждали Емельянова. Единственно, что утешило ожидающих, это то, что в конце концов Емельянов мог задержаться на заседании гораздо дольше. Но нет, он задержал собравшихся только на полчаса. Как хорошо владеть своими страстями!

А. ИГОЛЬНИКОВА

Город Вольск,
Саратовской области

Дорогой Крокодил!

Литработник редакции газеты «Ленинский путь» (Черноерковского района, Краснодарского края) Иван Федорович Нехрист был уволен из редакции за прогул. В связи с этим народный суд Черноерковского района вынес такое решение:

«Нехрист Ивану Федоровичу восстановить рабочий стаж, не восстанавливая его на работу, одновременно обязать редакцию «Ленинский путь» уплатить выходное пособие как неправильно уволенному Нехристу И. Ф.».

Как говорится: «Рано утром, вечером, в полдень, на рассвете баба ехала верхом в раскидной карете». Запомните, товарищи судьи Черноерковского района, эти строчки! Они вам, несомненно, пригодятся для какого-нибудь очередного судебного решения.

Е. КУШЕНД, К. ПЫБИНА,
А. КУШНАРЕВ

Ст. Петровская,
Черноерковского района,
Краснодарского края

Товарищ Крокодил!

Известно, что трамвай служит преимущественно как средство передвижения. Но в Воронеже это благородное назначение трамвая имеет второстепенное значение. Здесь трамвай — главным образом

нечто вроде комнаты смеха. Нет ни одного человека, который бы, ожидая трамвай, не покатывался со смеху. Даже самый мрачный индивидуум начинает искренно хотеть при виде «Правил внутреннего распорядка в павильонах воронежского трамвая». Вот эти «Правила»:

1. Ответственность за охрану и содержание в чистоте, как самого здания, так и всего закрепленного за павильоном имущества, является начальником станции.

2. В здании павильона запрещается пить, курить, играть на музыкальных инструментах и допускать игры, колоть дрова и сорить в павильонах.

4. Лица, нарушающие правила пользования имуществом павильона, несут административную и материальную ответственность

И т. д., и т. п.

«Правила» подписал начальник службы движения П. Фурсов.

Тов. Фурсов, ваши юмористические способности дают вам возможность развернуться значительно шире. Подумайте об этом.

Ю. КОЧКИН

Воронеж

Дорогой Крокодил!

Из законов физики известно, что жидкость, находящаяся в каком-либо сосуде с отверстием ниже уровня этой жидкости, неизбежно вытекает через это отверстие. Даже больше скажу: юнцу, еще не знающему физики, совершенно очевидно, что никакая жидкость не может удержаться в решете. Только у одного человека это физическое явление жидких тел подвергнуто сомнению. Это тов. Мирошниченко, директор Союзной МТС, Черниговской области. Не считаясь с законами физики, он издал следующий приказ:

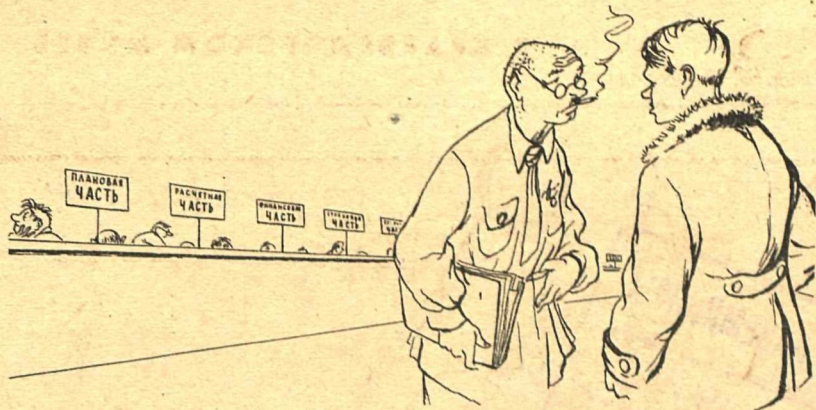
«Зав. нефтебазой т. Жабко М. разрешается временно пока привезут новую цистерну заливать керосин в цистерну, которая протекает. Утечка керосина будет списана».

Для бухгалтерии такая мера, несомненно, представляет колоссальные удобства. Привезли, скажем, 1 тонну керосина, залили в дырявую цистерну и тут же списали эту 1 тонну.

Что же касается самого Мирошниченко, то к кому его направить за справкой о физических явлениях жидких тел? К учебнику физики? Или, может быть, к прокурору?

Ю. КАБАКОВ

Чернигов

— Скажите, а где мне найти запасную часть к трактору?

Беседы ученого

Новое в курортном деле

1. ВСТУПЛЕНИЕ

Наука как таковая не стоит на месте: она постоянно чего-то ищет и кое-что находит. К сожалению, эти поиски и находки слабо популяризируются в нашей печати.

С тем большей признательностью я откликнулся на приглашение Крокодила познакомить широкие массы с последними научными достижениями.

Первая беседа посвящается сезонной теме: «Южный берег Крыма, и как им пользоваться».

2. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Далеко не все граждане, отправляющиеся в Крым, отдадут себе отчет в том, что он собой представляет. Между тем медицина так построена, что без знания географических особенностей местности, куда вы едете отдыхать или лечиться, ваше здоровье не может рассчитывать на улучшение.

Что же представляет собой Южный берег Крыма? Это очень красивая территория, большая часть которой занята водой. Над водой сияет солнце. Между ними расположился воздух.

Итак, что мы имеем на сегодняшний день в Крыму? Мы имеем воду, солнце и воздух. Если отбросить последние два компонента, как вещи неосуществимые, хотя и целебные, то получится, что Крым — это мощный водный бассейн, окруженный со всех сторон санаториями.

3. НАУКА ТВОРИТ ЧУДЕСА

Значение южных курортов огромно, что подтверждается фактами из врачебной практики.

Мне известен, например, такой тяжелый медицинский случай, который, к счастью, окончился благополучно. Инженер некоего уральского предприятия не мог в течение полугода попасть на прием к руководителю треста. Случайно оба они приехали в один и тот же санаторий Симеиза. В течение «мертвого часа» были обсуждены и разрешены десятки производственных вопросов. Оба остались очень довольны курортом.

Вспоминается и другой случай, тоже представляющий огромный

интерес с научной точки зрения. Некий писатель А. Самохвалов, живя в Москве, не мог в течение 4 лет и 3½ месяцев приступить к задуманной им колхозной повести из-за отсутствия материала. Чтобы преодолеть это препятствие, писатель шел на героические меры, вплоть до ежедневных прогулок на Колхозную площадь. И тем не менее материала не было. Неудачи до того повлияли на тов. Самохвалова, что врачи настояли на его поездке в крымский санаторий.

И что же? На второй же день после приезда в Алупку писатель встретился за обеденным столом с типажом, за которым он тщетно гонялся 4 года и 3½ месяца. Типаж оказался начальником районной пожарной дружины, отец которого до перехода на пенсию был колхозным счетоводом. Со слезами благодарности вспомнил тов. Самохвалов врачей, вытаскивавших его из творческого застоя.

Такова сила медицины! Такова благодатное влияние курортов, возвращающих к жизни даже такие организмы, которые, казалось, были обречены на медленное угасание!

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Недостаток места не позволяет мне поделиться с читателями Крокодила более подробными сведениями о крымских курортах. Мною, например, обойдены такие важные научные вопросы, как приобретение путевок, получение вилетов, способы продления путевок за счет месткома даже при наличии отличного здоровья и т. д.

Лица, интересующиеся этими проблемами, могут записаться ко мне на прием ежедневно от 10 часов утра до 8 часов вечера. Одновременно принимаю заказы на искусственные зубы, а также на золотые и стальные коронки с ручательством на шесть месяцев. Мой адрес: Птичий тупик, 7, кв. 115, спросить зубного техника С. Четчинина.

Зав. науч. столом
И. ВЕРХОВЦЕВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 6 часов. Подписная цена на журнал — 1 р. 20 к. в месяц.

Изд-во «Правда»

Москва. Изд. 521

Сдача текста и рисунков 5/V 1940 г.

Подписано к печати 17/V 1940 г.

Статформат 72×105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Уполномоченный Главлита № А—28053. Типография газ. «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 1597. Тираж 271 000 экз.

— Что случилось?
 — Две соседки поссорились с третьей, так что драться, по всей вероятности, они придут на нашу площадь.

Период и серия	3/11	ЮГ 40
Получ. в ред.	3/11	
Сдан в архив		